

УДК 323; 329.12

Ольга Фредовна Русакова,
доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Алексей Алексеевич Хмелинин
аспирант Уральского Федерального
университета имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург.
E-mail: xalexan@inbox.ru

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ¹

В статье рассмотрены базовые черты неолиберального дискурса, раскрываются основные компоненты неолиберальной доктрины. Особое внимание уделено анализу «левой» критики неолиберализма, представленному в работах Д. Харви, П. Дардо, К. Лавалья, Н. Хомского, С. Жижека и др. Отмечается, что неолиберальный дискурс стратегически нацелен на формирование новой субъективности, интегрирующей принципы конкуренции и *jouissance*, раскрываются манипулятивные особенности неолиберального медиадискурса. Дискурс неолиберализма представлен как разновидность *soft power*.

Ключевые слова: Дискурс, неолиберальный дискурс, конструирование субъективности, манипулятивные технологии, *soft power*, *jouissance*

В последние годы среди представителей «левой» политико-философской мысли заметно активизировался интерес к критическому изучению особенностей и черт неолиберального дискурса, связанных с конструированием новой ментальности, управляющей поведением индивидов в условиях глобализации рынков и господства олигополии. Заметными событиями в сфере критического анализа дискурса неолиберализма стали работы французских авторов Пьера Дардо и Кристиана Лавалья [2], Люка Болтански и Эва Кьяпелло [1], а также известных исследователей и критиков неолиберализма Ноама Хомского [9; 10], Наоми Кляйн [5], Дэвида Харви [8], Славоя Жижека [3; 4].

Политико-мировоззренческим ядром неолиберализма является доктрина, согласно которой рыночные отношения являются основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий. Практики неолиберализма добиваются минимизации участия госу-

¹ Статья подготовлена при поддержке Уральского отделения Российской академии наук в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований: проект № 12-И-6-2066 «Создание сетевого ресурса “Теория и методология дискурс-анализа в современной науке”».

дарства в экономике, приватизации госпредприятий. Последствия такой политики – уменьшение социальных гарантий, усиление социального расслоения общества, сужение демократического пространства.

Впервые идейные основы неолиберализма были заложены политическим философом *Фридрихом фон Хайеком*, создавшим в 1947 г. Общество Мон-Пелерин (Mont Pelerin Society), названное так по имени курорта в Швейцарии, где проходили встречи. Среди известных участников – Людвиг фон Мизес, Милтон Фридмен, Карл Поппер. Главная цель Общества – защита либеральных идеалов индивидуальной свободы перед лицом марксистской и социалистической экспансии, а также противодействие распространению кейнсианства в экономической теории.

Превращение неолиберализма в новую идеологию, призванную регулировать общественную политику на государственном уровне в развитых капиталистических странах, произошло в США и Великобритании в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Новая идеология предполагала поощрение предпринимательской активности, конкуренции, инноваций, иностранных инвестиций. Все формы социальной солидарности должны были исчезнуть и уступить место конкурирующим между собой индивидам и группам интересов [8, с. 35-36].

Первым экспериментом в области формирования неолиберального государства стал режим Пиночета в Чили, установившийся после военного переворота в сентябре 1973 г. Переворот был направлен против демократических сил страны в лице президента Сальвадора Альенде, взявшего курс на национализацию экономики, следствием чего стал глубокий экономический кризис. Для разработки программы восстановления чилийской экономики была приглашена группа американских экономистов из Чикагского университета, которая получила название «чикагские мальчики». Идейной основой программы «чикагских мальчиков» стали работы Милтона Фридмена². Главным источником финансирования латиноамериканского проекта, а также обучения молодых людей в Чикагском университете, был фонд Форда. Благодаря деятельности фонда Форда студенты из других стран Латинской Америки смогли обучаться у чилийских «чикагских мальчиков», пополняя ряды носителей неолиберального дискурса [5, с. 166-167].

В настоящее время доктрина неолиберализма занимает доминирующее положение в политических кругах ведущих стран мира, входящих в «большую восьмерку» (G8).

Каким образом неолиберализму удалось глубоко проникнуть в сознание политических элит? Как сформировался общественный консенсус, сделавший легитимным поворот к неолиберализму? На эти вопросы дает ответы известный аналитик теории и истории неолиберализма Дэвид Хар-

² *Милтон Фридмен* – экономист из Чикагского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 г., присужденной за исследования в области потребления, истории и теории денег», автор книги «Капитализм и свобода», в которой автор утверждал, что политическая свобода не может существовать без частной собственности и экономической свободы.

ви. В своей работе «Краткая история неолиберализма» он отмечает: «Мощному идеологическому влиянию подверглись корпорации, средства связи и многие другие институты, составляющие гражданское общество – университеты, школы, церковные общины, профессиональные организации». Все это привело к тому, что многие интеллигенты начали поддерживать неолиберальный образ мысли. Сформировалось общественное мнение о том, что неолиберализм есть единственная гарантия свободы в обществе. Люди приходили к убеждению, что политика неолиберализма является единственным и «естественным» способом поддержания социального порядка [8, с. 59-60].

Своим укоренением в массовом сознании неолиберализм обязан таким идеям, как консюмеризм, свобода потребительского выбора, свобода в выборе средств самовыражения. Повышение свободы выбора преподносилось как благо не только для капитала, но и для трудящихся. Было не сложно сделать неолиберальные ценности частью «общего мнения» для большинства трудящихся. Эта возможность была использована для создания системы эксплуатации, обеспечивающей гибкость накопления.

Стратегия неолиберализации требовала коммерциализации массовой культуры, которая выстраивалась на основе рыночных отношениях, на технологиях шоу-бизнеса и индустриальных методов развлечений. В итоге коммерческий дух шоу-дискурса стал проникать во все поры культурной жизни, овладевая сознанием масс. В интеллектуальной среде неолиберализм также получил широкое распространение, поскольку оказался созвучен с принципами нарциссизма, индивидуализма и многокультурности, разделяемыми философией постмодернизма. «Неолиберализм оказался вполне совместимым с культурным импульсом, получившим название постмодернизм, который долгое время развивался, но никак не оформлялся в полноправную культурную и интеллектуальную доминанту» [8, с. 62-63].

Неолиберальный дискурс особенно пришелся по вкусу правящим элитам и влиятельным бизнес-кругам стран Запада. Их представители чисто интуитивно усмотрели в идеях и постулатах неолиберализма свой классовый интерес, даже не читая работ Хайека и Фридмана. Для пропаганды неолиберализма были предприняты серьезные шаги в области создания и финансирования аналитических центров и исследовательских институтов, таких как Heritage Foundation, Hoover Institute, American Enterprise Institute и др. Центрами неолиберальной философии стали бизнес-школы, возникшие в таких престижных университетах, как Стэнфорд и Гарвард.

К началу 1990-х гг. неолиберальная идея становится популярной в ученых кругах большинства экономических факультетов ведущих исследовательских университетов и в бизнес-школах. Американские исследовательские университеты сыграли большую роль в распространении неолиберального дискурса, на их базе были подготовлены многие зарубежные специалисты, в том числе из бывших стран социалистического лагеря, ко-

торые, возвращаясь в свою страну, стали ключевыми фигурами в процессе практического внедрения в жизнь неолиберальной доктрины [8, с. 77].

Важной вехой высокостатусного доктринального закрепления неолиберального дискурса на глобальном уровне стал документ под названием «Вашингтонский консенсус». Данное название придумал американский экономист Джон Уильямсон в 1989 г. для обозначения основных принципов неолиберальной программы, которые призваны обеспечить некий стандарт, необходимый для проведения реформ в мире, подверженном глобальным экономическим кризисам.

Данная программа прежде всего была направлена на страны Латинской Америки и включала набор из 10 основных шагов в сфере экономики, которые необходимо осуществить любому правительству для построения в стране современной финансовой и экономической системы западного типа. В частности, следовало осуществить либерализацию (дерегулирование) экономики, приватизацию государственного сектора экономики, усиление фискальной дисциплины (поддержание минимального дефицита бюджета за счет сокращения социальных программ), защиту собственности и прав собственников, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, свободную конвертацию национальной валюты, либерализацию внешней торговли (в основном за счет снижения ставок импортных пошлин), либерализацию финансовых рынков.

Центральное место отводилось трем организациям, имеющим штаб-квартиру в Вашингтоне, – МВФ, Всемирному банку и министерству финансов США (отсюда и сам термин «вашингтонский консенсус»). Некоторые авторы, по словам Дж. Уильямсона, называют «вашингтонский консенсус» «ужесточенной версией неолиберального курса». Впоследствии термин «вашингтонский консенсус» получил расширительное толкование и стал пониматься как господство принципов рыночного фундаментализма и по сути стал синонимом термина «неолиберализм».

Особое место в неолиберальном дискурсе занимает *концепт неолиберального государства*. В основе данного концепта лежит идея о том, что смысл государственной власти состоит в создании и оптимизации условий для накопления капитала. Данная цель достигается путем соединения политической свободы со свободой рынка и торговли. Неолиберальное государство заботится о поддержке и стимулировании налоговыми льготами деловых кругов. Оно особенно усердно занимается приватизацией активов для открытия новых областей накопления капитала. Отрасли, которые прежде управлялись или регулировались государством (транспорт, телекоммуникации, нефтедобыча и разработка других природных ресурсов, предприятия коммунального обслуживания, жилье, образование), передаются частной сфере или дерегулируются. Лозунг неолиберального государства — «гибкость» (на рынках труда и при размещении инвестиционного капитала). Конкуренция между индивидами, фирмами, городами, регионами, нациями и государственными союзами признается фундаментальным благом [8, с. 90-91]. Превознося достоинства конкуренции, нео-

либеральное государство фактически открывает рынок централизованному капиталу и монополистической власти. Во внутренних делах неолиберальное государство враждебно (а в некоторых случаях открыто репрессивно) относится ко всем формам социальной солидарности (наподобие профсоюзов или других социальных движений, которые приобрели значительное влияние в социал-демократическом государстве), которые накладывают ограничения на накопление капитала. Это не означает упразднения всех форм регулирующей деятельности или государственного вмешательства. Бюрократические правила, гарантирующие «подотчетность» и «эффективность издержек» государственных секторов, которые не могут быть приватизированы, расцветают пышным цветом.

Концепт неолиберального государства, как показывают его исследования, содержит внутренние противоречия. «С одной стороны, предполагается, что неолиберальное государство не станет ни во что вмешиваться и будет лишь обеспечивать условия для функционирования рынка. В то же время государство должно быть активным, создавать благоприятный деловой климат и оставаться конкурентноспособным в мировой политике». При этом возникает непростой вопрос о месте национализма в государственной политике неолиберализма. С одной стороны, национализм оказывается необходимым для обеспечения эффективного функционирования государства в качестве конкурентного субъекта, но, с другой стороны, национализм является препятствием в деле обеспечения свободы рынка [8, с. 109]. Не менее сложным является вопрос о совместимости авторитаризма с неолиберальной доктриной. Авторитаризм, по идее, находится в конфликте с идеалами личной свободы. Однако на практике оказывается, что неолиберальные режимы нередко склонны к авторитаризму, что, в свою очередь, чревато кризисом легитимности существующей власти. Наблюдается также явное противоречие между стратегией поощрения конкуренции и усилением консолидации олигополистической, монополистической и транснациональной власти в руках нескольких международных корпораций. В итоге «энергетика фактически сводится к пяти международным корпорациям, несколько медиамагнатов контролируют большую часть потока новостей, делая его все больше схожим с пропагандой» [8, с. 111]. Кроме того, разрешение со стороны неолиберальной политики разнообразных цивилизованных форм социальной солидарности приводит к сложностям регулирования общественного порядка, контролирования антисоциального поведения. Сужение пространства позитивных свобод стимулирует рост «негативных свобод». «Неолиберализм в чистом виде может возродить собственных врагов – в форме авторитарного популизма или национализма» [8, с. 111].

Концепт неолиберального государства в 1990-е гг. трансформировался в проект неолиберальной глобализации. Данный масштабный проект изначально предполагал соединение свободы передвижения капиталов и товаров с локальной раздробленностью мира. Национальные границы должны были создавать локальные зоны с разными условиями, которые корпорации могли использовать в своих интересах.

Итогом глобальной неолиберальной политики стало усложнение легализации иммигрантов. Фактически уже к началу мирового кризиса сложилась (с дальним прицелом на неконсервативное будущее) система правового разделения людей на классы. Многоуровневая система правового неравенства не была создана в результате повсеместно повторяемых ошибок. Она явилась продуктом последовательной работы по созданию удобного для крупного бизнеса мирового порядка. Коммерциализация системы образования, приводящая к сокращению числа обладателей высшего образования, также отвечает интересам мировой сети транснациональных корпорации, поскольку служит «благому» делу – созданию более однородного и хорошо управляемого в силу своей низкой грамотности общества.

В настоящее время в левых интеллектуальных кругах ведется активная работа в области изучения влияния дискурса неолиберализма на глубинные слои сознания индивида, на его ментально-дизайнерский характер и манипулятивные медийные и биополитические практики. Неолиберализм рассматривается сегодня в качестве глобального дискурсного проекта, направленного на конструирование субъекта нового типа, приспособленного к условиям мировой конкуренции и представляющего собой эффективный человеческий ресурс для создания сверхприбыли. Именно в таком ключе подходят к анализу дискурса неолиберализма французские исследователи Пьер Дардо и Кристиан Лаваль. По их мнению, суть неолиберальной практики состоит не в том, чтобы экстраполировать логику рыночных, конкурентных отношений на самые разнообразные сферы общественной жизни, создавая глобальные маркетинговые сети в сферах здравоохранения, образования, искусства и т.д., а в том, чтобы переделать ментальность индивида по лекалам конкурентной борьбы. Неолиберальный дискурс ведет борьбу за «человеческий капитал», то есть за формирование и образование индивида, для которого внутренние стратегии «личностного развития» и карьерного роста служат интересам коммерческой конкуренции: «Экономику нужно снабжать индивидами, лучше всего адаптированными к коммерческой войне по самым общим правилам, то есть самыми «эффективными» (*performants*) индивидами. Образование таких индивидов и поддержание «в течение всей жизни» их способности действовать в условиях жесткой конкуренции, находит привилегированное выражение во встраивании индивидов в конкуренцию между собой» [2, с. 109]. Иначе говоря, дискурс неолиберализма обобщает наиболее эффективные менеджерские практики в области подчинения внутренней жизни индивида корпоративным интересам. Для неолиберального менеджмента неважно, каким видом деятельности занимаются субъекты. Значение имеет только то, чтобы они были конкурентоспособными. Именно поэтому конкуренция становится общей нормой, которую можно применять к какой угодно деятельности. «Не существует никакого списка конкретных видов деятельности, которые реализуются в заданных условиях конкуренции: всякий раз перед нами вся совокупность человеческой деятельности, в том числе и те ее виды, которые невероятно далеки от

всемирного рынка, но которые тоже получили предписание не выбиваться из общего ряда и четко следовать логике конкуренции». Согласно Дардо и Лавалю, неолиберальный дискурс отличают такие черты, как безразличие к специфике конкретных видов профессиональной деятельности и стремление подчинить конкурентной логике внутренний мир человека [2, с. 110].

Чтобы заставить индивидов конкурировать между собой, следуя определенной логике самоконтроля и эффективности, направленной на достижение высокой производительности, неолиберальный дискурс конструирует унифицированные системы количественных оценочных показателей, на основании которых следует судить об уровне конкурентоспособности индивида. При этом, отмечают авторы, система оценок может быть совершенно абсурдной. В качестве примера приводится современная оценка научных исследований по количеству статей, опубликованных в рецензируемых журналах и по количеству ссылок на них. При этом содержание работ не принимается во внимание, ибо «важно не столько «содержательное» значение измеряемой величины, сколько простота использования, которую обеспечивают цифры» [2, с. 111]. «Публикуйся или умри» (*Publish or perish*) – вот лозунг научного работника, продиктованный «бухгалтерской» логикой неолиберальной системы оценок исследовательского труда [2, с. 115].

Главная задача системы оценок подобного рода состоит в том, чтобы информировать конкурентов о том, что, когда и в каком количестве следует поставить на рынок. Здесь важно не знание общих правил, не научное знание причин и следствий, а знание тех обстоятельств, которые позволяют максимально увеличить доход, ибо действовать эффективно – значит действовать при получении информации о количественных показателях конкретного вида деятельности.

Количественный фетишизм неолиберальной логики лежит в основе формирования субъектности «бухгалтерского» типа. Поскольку данная субъектность выступает в качестве человеческого ресурса, который позволяет более эффективно управлять индивидами, чем система традиционных методов администрирования, основанных на внешнем принуждении, то технологии по изготовлению новой субъектности, опирающиеся на внутренние источники развития инициативы субъекта, можно отнести к инструментам *soft power* [6, с. 173-192]. Действительно, для субъекта, который уже «подсел на иглу» конкурентной гонки, оцениваемой количественными показателями, увеличение данных показателей становится внутренней потребностью и даже смыслом существования. Управление такими индивидами предполагает включение «бухгалтерской» логики, активизирующей личностные интересы, а также применение системы санкций и поощрений, стимулирующих «бухгалтерскую» ответственность каждого наемного работника. Новый менеджмент состоит в создании такой ситуации, когда индивид вынужден будет постоянно надзирать за самим собой, чувствовать себя обязанным демонстрировать все более высокие количественные показатели, когда он максимально вовлечен в работу

и «свободно» состязается со своими конкурентами, оказываясь на пике производительности. Данный вид управления авторы обозначают такими понятиями, как «индивидуализированная гетерономия» или «интериоризированное принуждение» [2, с. 114].

При интериоризированном принуждении чисто внешне все выглядит так, будто индивид работает по своей воле и по своему свободному выбору. В этом главная мистификация неолиберального дискурса. На самом деле данный «свободный» выбор сконструирован таким образом, чтобы энергия работника была направлена посредством нормативных шкал соперничества в русло максимального роста прибыли предприятия. «Все искусство убеждения в менеджменте основано на том, чтобы заставить верить, будто этот новый режим благоприятен для наемных работников, будто он наилучшим образом подходит для «общества индивидов». Вопреки заявлениям апологетов неолиберализма, конкуренция вовсе не связана с неограниченностью индивидуального выбора, а представляет собой «принуждение к выбору в ситуации, которую ты не выбирал» [2, с. 115].

Дискурс неолиберализма включает широкий спектр манипулятивных технологий, направленных на ограничение сферы влияния дискурсов протестного типа, разоблачающих эксплуататорский характер неолиберальной практики и неолиберальной политики глобализации.

В настоящее время представители и идеологи «левых» сил значительное внимание уделяют вопросам деконструкции манипулятивного медиадискурса, обслуживающего неолиберальную политику. В этом плане весьма показательной является работа Н. Хомского «Десять способов манипулирования людьми с помощью СМИ». Автор выделяет следующие манипулятивные технологии, к которым прибегает неолиберальный медиадискурс.

1. *Отвлечение внимания* граждан от насущных социальных проблем, переключение их внимание на темы, которые не имеют реального значения.

2. *Метод «проблема-реакция-решение»*. Например, раскручивание спирали насилия, организация кровавых терактов для того, чтобы граждане потребовали законов об усилении мер безопасности и проведение политики, ущемляющей гражданские свободы.

3. *Способ постепенного применения*. Чтобы добиться принятия какой-либо непопулярной меры, достаточно внедрять ее постепенно, день за днем, год за годом. Именно таким образом были навязаны обществу в 1980–1990-х гг. социально-экономические принципы неолиберализма: приватизация, монетизация, коммерциализация культуры и социальной сферы.

4. *Отсрочка исполнения*. Представить в качестве болезненной, но необходимой меры то или иное непопулярное решение, которое будет реализовано в будущем. Граждане должны свыкнуться с мыслью о грядущих переменах и смиренно их принять.

5. *Обращаться к народу как к малым детям*. Использование инфантильных речевых оборотов как способов внушения незрелости мышления, которое присуще детям до 12 лет. В силу данного внушения происходит ослабление критической оценки действительности.

6. *Делать упор на эмоции в гораздо большей степени, чем на рациональное размышление.* Прием применяется для того, чтобы заблокировать способность людей к рациональному анализу происходящего, чтобы использовать подсознание в целях внедрения туда определенных желаний, страхов, опасений, принуждения к устойчивым моделям поведения.

7. *Держать людей в невежестве, культивировать посредственность.* Качество образования, предоставляемое низшим общественным классам, должно быть как можно более скудным и посредственным для того, чтобы невежество, отделяющее низшие классы от высших, оставалось на уровне, которое низшие классы не смогут преодолеть.

8. *Побуждать граждан восторгаться посредственностью.* Внедрять в сознание населения мысль о том, что модно быть тупым, пошлым и невоспитанным.

9. *Усиливать чувство собственной вины.* Заставлять человека уверовать в то, что только он виновен в собственных несчастьях. В результате, вместо того, чтобы восстать против экономической системы, человек начинает заниматься самоуничижением, обвиняя во всем самого себя. Это вызывает бездействие, а без действия ни о какой революции и речи быть не может.

10. *Знать о людях больше, чем они сами о себе знают.* Разрыв между знаниями простых людей и сведениями, которыми обладают и пользуются господствующие классы. Система обладает тем большей властью, чем в большей степени располагает знаниями о тех, кем управляет [9].

В левых политических кругах Ноам Хомский справедливо считается ведущей фигурой, играющей значительную роль в деле сопротивления господству неолиберального дискурса. В своих работах он показывает, что неолиберальный дискурс берет на вооружение мифологию естественного «свободного» рынка, этого «бодрого гимна о конкурентоспособности, рациональности, эффективности и справедливости рыночной экономики» [9]. В известной работе «Прибыль на людях» Хомский опираясь на большой фактический материал убедительно раскрывает эксплуататорский характер системы мировой глобализации, архитекторами которой выступают идеологи неолиберализма. Согласно исследователю, мировая сеть транснациональных корпораций действует исключительно в интересах узкого круга властной элиты, признанным лидером которой выступают США. Американский неолиберализм осуществляет свое влияние на мировой политической и экономической процесс прежде всего посредством таких организаций как Мировой валютный фонд (МВФ), Мировой Банк (МБ), Всемирная Торговая Организация (ВТО). К примеру, ВТО, согласно Хомскому, предоставляет американскому неолиберализму следующие выгоды и возможности влияния:

1. «Новое оружие» для всеобъемлющего американского вмешательства во внутренние дела других стран.

2. Захват центральных секторов зарубежной экономики корпорациями, базирующимися в США.

3. Выгоды для бизнеса и богачей.
4. Переложение расходов на широкие слои населения.
5. Новое и потенциально более мощное оружие против угроз со стороны демократии [10, с. 109-11].

«Словом, – отмечает Хомский, – мир, который Соединенные Штаты стремятся «создать по своему образу и подобию» с помощью международных организаций, основан на принципе правления силы» [10, с. 114].

Основную угрозу политико-экономической системе неолиберализма как «тирании богатого меньшинства» составляют демократические движения протеста. В целях недопущения расширения демократических протестных движений современный капитализм широко использует институты PR и пропаганды, различные средства и методы контроля за общественным мнением. В этих целях используется концепция «согласия управляемых», которая гласит, что народ должен подчиняться управляющему меньшинству и не претендовать на участие в управлении. Население может играть роль «зрителей», но не «участников» политики. Население должно быть полностью удалено и с арены экономической, где в значительной степени определяется то, что происходит в обществе. Согласно концепции «согласия управляемых» широкая общественность не должна играть в экономике никакой роли [10, с. 65-66].

Сопrotивление идеологии и институтам неолиберализма, по Хомскому, развивается в рамках национальных и международных организаций солидарности трудящихся. Они стали основным фактором сдерживания репрессий и ободряющим образом повлияли на протестную активность граждан в мировом масштабе [10, с. 190]. Расширение протестного движения – это «бомба замедленного действия», которая способна разрушить пирамиду власти неолиберального капитализма.

Ряд современных критиков неолиберализма считает, что неолиберальная модель устройства мира в условиях нынешнего глобального кризиса находится на шатких ногах, и как форма организации общества эта модель уже показала свою несостоятельность. Методы «шоковой терапии», используемые в сочетании с моноориентированными формами глобализации, привели к появлению так называемого «катастрофического капитализма», провоцирующего разные формы насилия [7].

Глубокий политико-философский анализ разных форм насилия, связанных с дискурсивными практиками неолиберализма, дает Славой Жижек в своей работе «О насилии». Жижек отмечает, что «сегодняшняя тирания принимает новые облики – тиранию XXI в. называют «демократией» [3, с. 26]. Автор выделяет несколько видов насилия, культивируемых неолиберальным дискурсом: объективное, субъективное и символическое.

Объективное насилие трактуется как «метафизическая пляска всемогущего Капитала» [3, с. 15]. Насилие Капитала есть логика капиталистического производства, которая носит системный, анонимный и абстрактный характер. Абстрактность и анонимность объективного насилия еще

более усиливается с развитием «виртуального капитализма» (фьючерские сделки и другие тому подобные финансовые спекуляции). Насилие данного рода рассматривается не как внешнее принуждение, а как «принуждение к непринудительности», как господство безапелляционного императива «проявлять себя», «наслаждаться», «развиваться» и т.д. Современное общество, считает Жижек, всеми правдами и неправдами старается заставить нас бежать «позитивно», принуждает требовать реализации своих прав и выполнение обязанностей.

В эпоху глобализации и информатизации идеологическими проводниками новых либерально-капиталистических форм объективного насилия, агентами структурного насилия выступают представители так называемого «либерального коммунизма». Состав этих новых либеральных коммунистов, отмечает Жижек, всем хорошо знаком: Билл Гейтс и Джордж Сорос, гендиректора Google, IBM, Intel, eBay, а также их придворные философы во главе с Томасом Фридменом [3, с. 17]. Либеральные коммунисты сформулировали собственную новую версию старой смиттовской идеи анонимной и невидимой руки рынка, согласно которой рынок, если он «умный» и гибкий, должен стать социально ответственным и помогать людям решать реальные проблемы. Для либеральных коммунистов не существует эксплуатируемого класса, есть только конкретные проблемы, требующие своего решения.

Субъективное насилие выступает оборотной стороной объективного насилия, поскольку является реакцией субъектов и общественных групп на принуждение, совершаемое «невидимой рукой» капиталистического рынка. Данная форма насилия выражается во вспышках экстремизма, в действиях политических фундаменталистов, в проявлениях расизма, сексизма и религиозного обскурантизма, в акциях террора. Анонимное объективное насилие конкурентно устроенной общественной системы сталкивается со стихийным сопротивлением в форме вспышек молодежного насилия. Происходит инверсия разных видов насилия.

Неолиберальный дискурс трактует собственное насилие как легитимное, направленное в сторону демократизации и борьбы с мировым злом, порождая при этом новые конфликты, новые очаги насилия и зла. Запад, утверждает Жижек, провоцирует зло, поскольку мазохистски создает себе проблемы, считая Других хуже себя, видя в Других своего Врага. Западному обществу нужен Враг, чтобы идентифицировать себя против него, так как иной объединяющей силы у него нет.

Символическое насилие, по Жижеку, есть дискурсивное насилие. Это насилие посредством означивания. Это насилие господствующего означивающего [3, с. 51]. Собственно, сам язык выступает формой вербального насилия, позиционирующего социальные статусы, что порождает, в свою очередь, различные формы субъективного насилия. К символическим видам насилия относятся рекламная деятельность и манипулятивные технологии СМИ, формирующие ментальность, отвечающую неолиберальному образу мира и конкурентоозабоченному типу личности.

При изучении дискурса неолиберализма Жижек обращает внимание на такую его инструментальную часть, как принцип *jouissance* [4]. *Jouissance* по сути есть способ дискурсивной власти глобализированного капитала. Культивирование наслаждения, по мнению Жижека, на практике превращается в политику культурного контроля над социальными телами или в биополитику. Стратегия *jouissance* как стратегия гедонизма в обществе массового потребления, изначально предполагающая свободу индивидуального выбора, в итоге оборачивается нормативными предписаниями получения удовольствия от пребывания в потребительском «раю» и в мире индустрии развлечений. «Отличительная особенность сегодняшнего «нерепрессивного» гедонизма (постоянному провоцированию которого мы подвергаемся, приказ идти до конца и испытать все формы *jouissance* неизбежно превращается в обязательное *jouissance*)» [4, с. 442].

В условиях информационного общества виртуализация *jouissance*, то есть имитация удовольствия посредством медийных симулякров, расширяет возможности властных манипулятивных технологий до такой степени, что машина власти начинает питаться жизненными соками субъектов, занятыми виртуальными наслаждениями. В итоге индивид оказывается сведенным к инструментальной функции, которая обеспечивает власти ее легитимность. «Развлекай и властвуй!» – вот одна из программных установок дискурса неолиберальной глэм-культуры.

В заключение отметим, что в последние годы в фокусе «левой» критики современной капиталистической глобализации все чаще оказываются скрытые от глаз манипулятивные практики и технологии неолиберального дискурса. В дискурсе неолиберализма обнаруживаются все новые инструменты soft power, которые «работают» на уровне конструирования ментальных структур, новых когнитивных решеток, что в итоге приводит к формированию социального субъекта нового типа. Формирование новой субъектности, адаптированной к неолиберальной картине мира, интериоризирующей принципы конкуренции и *jouissance* наводит на мысль о том, что неолиберальный дискурс сегодня активно конструирует не только глобальную конфигурацию мира, но и превращается в современную глобальную биополитику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 976 с.
2. Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос, 2001. № 1(80). С. 103-117.
3. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
4. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
5. Кляйн Н. Доктрина шока: пер. с англ. М.: Добрая кн., 2009. 656 с.
6. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Вып. 10. С. 173-192.
7. Стоядинович М. Неолиберализм и неоимпериалистический концепт глобализации / Пер. Р. Гойкович, П. Тихомиров // Русская народная линия: информ.-аналит. служба, 2012. 20 апр. URL:

Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии
и технологии конструирования новой субъективности

http://ruskline.ru/analitika/2012/04/20/neoliberalizm_i_neoimperialisticheskij_koncept_globalizacii/ (проверено 07.09.2012 г.).

8. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 288 с.

9. *Хомский Н.* Десять способов манипулирования людьми с помощью СМИ. URL: <http://www.avtonom.org/node/15912> (проверено 05.09.2012 г.).

10. *Хомский Н.* Прибыль на людях / Пер. с англ. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 256 с.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2012 г.

NEO-LIBERAL DISCOURSE: STRATEGIES AND TECHNOLOGIES FOR CONSTRUCTING OF NEW SUBJECTIVENESS

Olga F. Rusakova, Doctor of Political Science, full professor, Head of Philosophy Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Science. Ekaterinburg. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Aleksey A. Hmelinin, post-graduate student, Ural Federal University named after B. N. Eltzun, Ekaterinburg. E-mail: xalexan@inbox.ru

Abstract: the article examines basic features of neo-liberal discourse, and describes main components of neo-liberal doctrine. Special attention is paid to the analysis of “left” criticism of neo-liberalism, presented in the works of D. Harvey, P. Dardo, K. Laval, N. Khomsky, S. Zhizhek, etc. It is noted that neo-liberal discourse is directed strategically toward constructing of new subjectiveness, which interiorize principles of competitiveness and *jouissance*. The article reveals manipulative peculiarities of neo-liberal media-discourse. The discourse of neo-liberalism is presented as a variation of the Soft Power.

Keywords: discourse, neo-liberal discourse, constructing of subjectiveness, manipulative technologies, Soft Power, *jouissance*.